ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Тихомиров С. А. Образ бабушки глазами современной молодежи: штрихи к портрету // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 11 (ноябрь). – 0,7 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2017/173013.htm.

ART 173013 **УДК 316.65**

Тихомиров Сергей Александрович,
кандидат культурологии, доцент кафедры истории искусств, начальник управления аспирантуры и докторантуры ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (институт)», г. Санкт-Петербург
nauka_vshni@mail.ru

Образ бабушки глазами современной молодежи: штрихи к портрету

Аннотация. *В статье анализируется специфика взгляда российской молодежи (внуков) на старших родственников (бабушек), осмысляются оценки, которые молодежь дает пожилым с позиции предписываемых и реальных моделей поведения, социального статуса, личных качеств, культурных горизонтов, социально одобряемого поведения.*
Ключевые слова: *современный городской фольклор, бабушка, молодежь, межпоколенное взаимодействие, возрастная аксиология.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Фиксируемое специалистами исчезновение протестной направленности в современной молодежной культуре западного типа (в сравнении, например, с молодежной культурой 1960-х гг.) ставит вопрос об определенных социокультурных трансформациях в сфере межпоколенных взаимодействий. Если говорить о поколенческой структуре современного общества, то можно выделить три довольно долго влияющие друг на друга группы: «детей», «родителей» и «прародителей». Какая из моделей взаимодействия между группами является доминирующей– межпоколенный конфликт или стабильность межпоколенных связей, разобщение или возобновление контактов?

Разрыв поколений – аксиологическая проблема, следствие ситуации ценностного раскола, в то время как сопричастность поколений друг другу свидетельствует об отсутствии «сбоев» в воспроизводстве нормативно-аксиологической структуры социума [1]. В настоящей статье представлен анализ особенностей взгляда молодых россиян (внуков) на старшее поколение соотечественников (бабушек), осмысляются оценки, которые молодежь дает пожилым с позиций их «социального статуса и возможностей, культурных ресурсов и горизонтов» [2], предписываемых и реальных моделей поведения и т. д.

Эмпирической базой исследования стал текстовый массив, собранный автором в 2009–2013 гг. в виртуальной социальной сети «ВКонтакте» и составивший более 400 записей. Информантами выступили молодые жители крупнейших городов России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Самара, Краснодар) в возрасте 20–25 лет, получающие или уже получившие высшее образование. Наблюдается численное превосходство информантов женского пола: тексты зафиксированы от 222 девушек и 83 юношей.

Обращение к вербальному творчеству молодых горожан представляется оправданным, поскольку, как отмечает И. А. Разумова, «познание этнографических реалий, относящихся как к архаическим культурам, так и к современному обществу, всегда осуществляется в первую очередь через словесные тексты: письменные, устные клишированные (фольклор) и нестереотипизированные высказывания» [3]. Впрочем, необходимо отметить, что работа с текстовыми материалами, размещенными на сервисе «В контакте», отнюдь не исключает непосредственного общения с

молодежью: данные, основанные на анализе текстового материала, должны пройти процедуру верификации – сопоставления с информацией, полученной при «живом» общении (пусть даже опосредованном средствами телекоммуникации) с информантами (беседы, формализованные и неформализованные интервью). Таким образом, при проведении исследования мы опирались на три группы источников информации: 1) тексты, размещенные в тематических группах виртуальной социальной сети «ВКонтакте»; 2) данные персональных страниц молодых пользователей упомянутого ресурса; 3) сведения, полученные в ходе выборочных бесед и неформализованных интервью с пользователями.

Анализируемый в статье образ бабушки – «коллективный портрет» именно пожилого родственника, достигшего пенсионного возраста (55 лет) и старше.Возрастная граница подчеркнута не случайно, поскольку выход на пенсию является значимым маркером в сознании молодежи, позволяющим ей отделять одну возрастную когорту от другой.

Образ «*дедушки*»/«*деда*» встречается в текстах гораздо реже, характеризуется меньшей степенью разработанности, что, вероятно, объясняется спецификой демографической ситуации в России, где «разрыв между средней продолжительностью жизни женщин и мужчин составляет 14 лет» [4]. Статистические данные подтверждаются многочисленными текстовыми фрагментами: «*ну дедушек у меня уже нет...*», «*а вот у меня нет дедушки, к сожаленью, зато есть восхитительная бабуля*» (орфография и пунктуация первоисточников сохранены. – *С. Т.*).

Образ «бабушки» в молодежной среде в целом предстает как аксиологически положительный. Характеризуя собственных бабушек, молодые информанты нередко подчеркивают следующие качества: заботливость, доброту, отзывчивость, гостеприимность, энергичность, интеллигентность, миролюбивость, наличие кулинарных талантов, способность понять и поддержать близкого человека, умение быть интересным собеседником, способность создавать уют в доме. В идеальном образе бабушки перечислен ряд личностных качеств (заботливость, отзывчивость, способность поддержать советом и т. д.), указывающих на то, что прародитель в ее лице нацелен на активное взаимодействие со своими повзрослевшими детьми и их внуками.

Активная вовлеченность в жизнедеятельность детей и внуков возможна при условии осознания бабушкой своей особой роли, связанной с представлением о появлении внуков как новом этапе личного пути, удлиняющем жизненную перспективу [5]. Распространенной моделью поведения бабушек в таком случае является оказание посильной помощи родственникам, а отнюдь не только ожидание помощи в обратном направлении [6].

Наиболее распространенный вид такой помощи – уход за внуками. Активный тип поведения бабушек, по сути, реализующих функцию социализации и инкультурации подрастающего поколения, включает в себя воспитательные, обучающие и культурно-досуговые виды занятий [7], устанавливает тесную межпоколенную связь, не исчезающую с годами: «*она меня воспитала, многому научила, я ей по гроб жизни буду благодарна*» (ж., 1988 г. р.). В условиях, когда родители заняты экономическим обеспечением семьи, бабушки, возложившие на себя ответственность за заботу о внуках, порой приобретают статус «суррогатной матери» [8] «…*в детстве она* (бабушка. – *С. Т.*) *… была ближе всех, я ее чаще, чем маму видела*» (ж., 1987 г. р.)».

Здесь мы подходим к важной «аксиологической вилке», существующей в сознании молодых: ключевым условием формирования положительного образа бабушки является ее активная вовлеченность в процесс воспитания внуков, в то время как отстраненность от него ввиду неготовности прародителя взять на себя новую социальную роль ведет к формированию аксиологически нейтрального или отрицатель-

ного отношения. Выражением последнего становится символическое забвение внуками понятия, указывающего на кровнородственные связи,замена его «эвфемизмами»: «отстраненная бабушка» именуется «тетей», «дальним родственником», «папиной/маминой мамой», но не собственно «бабушкой».

Формализация отношений прародителей к внукам приводит к отсроченному во времени межпоколенному разрыву, прогрессирующему от обиды в молодом возрасте к сознательному «беспамятству» во взрослом состоянии: «*А у меня нет и не было маминых родителей как бабушки и дедушки. Мы с сестрой никогда не были им нужны, когда мама просила их взять нас к себе на лето, хотя бы на пару недель, те заявляли, что “у нас уже свои внуки (у мамы две сестры) и с нами в доме будет народу, как селёдок в бочке”. Они нами не интересовались, только звонок раз в году в день рождения и сухое поздравление, но мы были лишними селёдками в их бочке. А потом, когда мы выросли и уже не нуждались (по крайней мере, не так остро нуждались летом в “домике в деревне”), мы приехали как-то, так она крокодиловы слёзы лила, мол, “как же вы выросли”. А дед... он не стукнул кулаком по столу, не возмутился, он принимал эту ситуацию как есть. Поэтому для меня они – живые ли, мёртвые ли – просто не существуют*» (ж., 19?? г. р.).

Память внуков об увлеченности бабушек ими также имеет темпоральный аспект и находит воплощение в емкой дефиниции: «*бабушка – это детство*». Информанты в таком случае склонны вспоминать различные виды совместной деятельности с собственными бабушками (подготовка уроков, посещение музеев, поход в зимний лес за елкой к Новому году и т. д.).

Таким образом, следующее условие формирования теплых отношений между бабушками и внуками – возможность длительного совместного времяпровождения: «*Бабушку по маме я любила намного больше, она жила с нами, мы проводили вместе очень много времени*» (ж., 1989 г. р.). Показательно, что при отсутствии серьезных конфликтов в семье не является редкостью позитивное восприятие молодежью факта совместного проживания трех поколений в пределах одной квартиры. Данная практика, связанная с особенностями «жилищного вопроса» в России, порой обыгрывается в беззлобном юмористическом ключе: на вопрос «где проживает ваша бабушка?» от респондента вполне может быть получен ответ «в соседней комнате».

Домашность в городской квартире вполне может ассоциироваться молодежью с фигурой бабушки: в текстах подчеркивается, что она занята приготовлением пищи и балует родственников различными салатами, выпечкой, маринадами (т. е. обеспечивает праздничное разнообразие на столе в будние дни), присматривает за некрупными домашними животными (кот, попугай), а также растениями, следит за соблюдением порядка и чистоты. В ряде случаев отмечается, что бабушка является главным членом семьи, отвечающим за ежедневную докупку необходимых продовольственных товаров, обычно осуществляемую на рынках, в киосках, «павильонах» и сетевых магазинах самообслуживания эконом-класса («Дикси», «Пятерочка», «Семья» и др.). Крупные покупки продовольственных товаров раз в одну-две недели совершают родители молодых при поездке в гипермаркеты («О’кей», «Лента», «Метро» и т. д.). Данная информация подтверждается информацией, полученной в ходе участия автора статьи в социологических опросах, проводимых компанией Mix Research в сентябре 2010 г., посвященных изучению покупательских стратегий жителей крупных российских городов (Санкт-Петербург, Новгород, Омск).

Интересно, что пространственная удаленность родственников друг от друга, препятствующая длительному совместному времяпровождению, иногда осмысляется как преодолимая: так, например, нам встретилось упоминание о практике внучки

созваниваться каждый вечер со своейбабушкой. Пространственный фактор уступает взаимному желанию родственников поддерживать контакт друг с другом. Кроме того, территориальная удаленность вступает в прямую зависимость с родственными чувствами: «*Любовь к ней* (бабушке. – *С.Т.*) *измеряется расстоянием – чем больше расстояние, тем больше я ее люблю…*» (ж., 1989 г.р.).

По мере взросления внуков наблюдается изменение специфики их совместной деятельности с бабушками: бабушкам уже не нужно читать или гулять с ними, «поэтому основным видом деятельности становятся беседы», «совместное проведение лета» на даче, просмотр телепередач [9]. Согласно зафиксированным текстам, бабушка может стать компаньоном при прослушивании музыки:*«…моя бабушка со мной клипы раммштайна смотрит. И не пропускает ни одной программы с Кинчевым:) прям гордость берет:)*», а также просмотре художественных фильмов. Встречаются свидетельства «приобщения» бабушек не только к относительно универсальным в плане аудитории киножанрам (комедия, драма), но даже к молодежным (хоррор) или «мужским» (экшен) фильмам.

Период общения бабушек с повзрослевшими внуками – собственно молодежью – может быть осмыслен как определенное равноправие участников. Новыми точками диалога становятся такие проблемы, как выбор профессии, появление новых друзей и любимого человека (окончание школы радикально меняет круг общения молодых), жизненные планы и перспективы в целом [10].

В общественном сознании бытует стереотипное представление о том, что с бабушками по материнской линии у внуков складываются более теплые отношения, чем с прародителями по линии отца. Анализ интернет-источников свидетельствует о растиражированности вульгарно-биологической и психологической моделей объяснения данного стереотипа.

Анализ данных исследования указывает на то, что обозначенная тенденция имеет место, но отнюдь не является тотальной. Так, согласно опросу, проведенному в одной из групп социальной сети «В контакте», 456 (61,96%) человек высказались, что одинаково любят прародителей по материнской и отцовской линии, 187 человек (25,4%) отдают предпочтение прародителям по линии матери и 50 человек (6,8%) – по линии отца [11].

Причины подобного размежевания мнений нуждаются в дополнительном изучении, однако в качестве предварительной гипотезы можно предположить ведущую роль социального фактора, включающего специфику отношений жены и свекрови, наличия других детей (а следовательно, и внуков) у прародителей. Нельзя не учитывать и специфику российского «квартирного вопроса», поскольку молодые семьи нередко не имеют собственной квартиры и живут с родителями жены либо мужа.

Градация отношения молодежи к собственным бабушкам происходит по следующим ключевым направлениям: 1) личные качества; 2) наличие или отсутствие способности адаптироваться к техническим инновациям в повседневной жизни; 3) особенности мировосприятия, включая специфику отношения к окружающим в целом и к молодежи в частности; 4) наличие либо отсутствие занятия, определенного вида деятельности, «дела»; 5) особенности внешнего облика.

Спектр позитивно и негативно осмысляемых молодежью личных качеств собственных бабушек разнообразен, но в целом согласуется со стереотипным набором социально одобряемых и социально порицаемых человеческих качеств. Не случайно, давая характеристику собственным бабушкам, молодые юноши и девушки порой прибегают к использованию клише: «*У меня самая лучшая бабуля, она в беде не бросит, лишнего не спросит…*»

«Настоящая»/«респектовая» бабушка никогда не сетует на жизнь и не утомляет окружающих бесконечными жалобами на здоровье. Молодежь подчеркивает, что такие бабушки (если позволяет физическое состояние) предпочитают передвигаться пешком, нежели на транспорте, а порой и занимаются отдельными видами спорта, в чем можно усмотреть отголоски моды на культ здоровья и физического совершенствования в среде городской молодежи: «*… моей под 80, ездит на велосипеде, ходит на специальные пенсионные дискотеки…*» (ж., 19?? г. р.).

Важным качеством бабушек является мудрость. Образ бабушки – это часто образ мудрого советчика, легитимность советов которого обеспечивается наличием богатого жизненного опыта. С данной характеристикой связаны и указания информантов на то, что их бабушки являются «*интересными личностями*», «*могут много чего интересного рассказать*» (ж., 1991 г. р.).

Существенной чертой, способствующей формированию положительного отношения внуков к прародителям, является умеренность в советах со стороны последних: совет не должен превращаться в назойливое нравоучение или нотацию о том, как следует жить. Современная городская молодежь в процессе своего становления демонстрирует активное неприятие прямого социализирующего воздействия со стороны взрослых. Для молодых людей открытое внешнее руководство и непосредственная регламентация деятельности даже при условии их адекватности «воспринимаются как ограничения на пути самопознания, саморазвития и самоутверждения» [12].

Распространенной деталью образа бабушки является то, что в связке «дети – родители – прародители» она выступает защитницей внуков, «отмазывая» их перед родителями за проступки либо тайно послабляя родительский контроль: «*а по молодости помню случай: в классе восьмом-девятом пришли мы с братом домой ну в хлам прям! Бабуля это спалила и с утра нас просто удивила фразой: “Ну что внучки, будем вашей маме говорить, о том какие вы вчера пришли или с вас мороженное?” Молодец, бабуля, нас не сдала!*» (м., 1984 г. р.).

Тем не менее если бабушка вовлечена в проблемы внуков, увлечена процессом их воспитания, то, помимо послабления родительского контроля, она может осуществлять дополнительный личный контроль за поведением молодых и даже проявлять высокую активность в реализации поощрений и наказаний [13]: «*…*(бабушка. – *С. Т.*) *звонит каждый вечер и, если меня нет дома, узнает у мамы с кем я гуляю, почему в 9 часов я еще не дома, потому что пора спать. А еще она сильно удивляется, если узнает, что гуляю с молодым человеком. Считает, что рано – всего то 19 лет*» (ж., 1989 г. р.).

Способность прародителей адаптироваться к техническим инновациям в быту связана с умением/неумением пользоваться основным набором функций современных средств связи (мобильный телефон), персональным компьютером (выход в сеть Интернет, работа в текстовом редакторе MicrosoftWord, несложные компьютерные игры), различной бытовой техникой (хлебопечка и т. д.). Мнения информантов разделяются примерно поровну: согласно высказываниям первых, их бабушки «управляются с компьютером», могут «строчить смски», работать с телефонной книгой мобильного телефона, в то время как вторые подчеркивают, что бабушек научить премудростям обращения с техникой нереально: «*мою бабушку нереально чему то научить... ну слава Богу хотя бы на звонки отвечает)))*» (ж., 1993 г. р.). При этом возникает проблема изложения новой информации технического характера в простой и доступной форме: в частности, трое информантов отметили, что рисовали от руки схему-инструкцию по пользованию мобильным телефоном.

Уровень успешности и быстроты освоения бабушками отдельных навыков обращения с домашней техникой вызывает у молодежи достаточно сильные эмоции. Для молодых данный опыт является одним из вариантов проблематизации повседневности, происходящей либо со знаком «плюс» («*как это бабушка так быстро освоила компьютер?*»), либо со знаком «минус» («*неужели так сложно запомнить, как отправлять смс?*»): «*У меня одна из бабушек влегкую на работе справляется с вордом и на то чтобы сориентироваться в моем компьютере ей хватило пяти минут. И она, сделав документ в опенофисе, сохранила его как .doc, а не .odt (по умолчанию!!!) на десктоп, самостоятельно слила это на флешку и унесла на работу*» (ж., 1990 г. р.).

Приступая к исследованию, предполагалось, что молодежь будет отторгать различные элементы картины мира, сложившейся у их прародителей в советское время, однако данное предположение не нашло подтверждения в текстах: противопоставление советского и постсоветского, кажется, полностью исключено из анализируемых нарративов о бабушках. Молодые приветствуют лишь отказ прародителей от отдельных практик, сложившихся в советский период, которые связаны с потреблением, «добыванием» продуктов и вещей: «респектные бабушки» «*не закупаются на 5 лет вперед яйцами*», не «*едут на конец города на ярмарки из-за того, что там на пару рублей дешевле*», «*в Народный… не гоняют*». Отсутствие более серьезного мировоззренческого противостояния, вероятно, объясняется тем, что вступающее в фазу активного развития поколение молодежи крайне слабо знакомо с идеологической составляющей советского государственного устройства. Таким образом, можно отметить, что внуки и прародители находятся на сегодняшний день в относительно однородном мировоззренческом поле, а принципиальные расхождения могут наблюдаться не столько на мировоззренческом уровне, сколько на уровне бытовой культуры, повседневных практик.

Важной чертой положительного образа бабушки является толерантное отношение прародителя к молодежи («*бабуля на молодых не хает*», «*понимает меня, да и вообще молодежь, как будто ей не 70, а лет 20–30!!!*», «*к молодежиникогда не цепляется…*»), способность к взвешенным оценкам поступков молодых, проявление уважения и интереса к их увлечениям: «*Когда в переходном возрасте увлекалась просмотром музыкальных каналов,* [бабушка] *звонила мне, говорила где и каких любимых мною актеров или музыкантов показывают, если у меня не было возможности посмотреть, смотрела сама, потом пересказывала мне*» (ж., 1989 г. р.). Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку бабушка остается воспитателем, наставником, учителем, но ей не чужда и способность учится чему-либо у внуков. Так достигается определенный паритет в отношениях прародителей и внуков.

Положительно оценивается молодежью наличие занятия у бабушек, под которым, с одной стороны, понимается труд на рабочем месте: «…*до восьмидесяти работала, недавно уволилась*» (ж., 1990 г. р.); «*семьдесят три года, а ей ничего – работает до сих пор*» (ж., 1990 г. р.). Большой стаж трудовой деятельности вызывает уважение, а в сознании молодых в равной мере фиксируются как официально отмеченные заслуги собственных бабушек («*оназаслуженный учитель СССР*»), так и заслуги, признанные ближайшим окружением («*воспитала и своих, и приемных детей*»).

С другой стороны, под работой бабушек молодые информанты могут подразумевать и неофициальные экономические стратегии в виде мелкого производства и распространения продукции (например, торговля «с рук» и т. д.). При этом, если данный вид активности требует значительных временных затрат и не гарантирует стабильного заработка, тем самым превращаясь в способ времяпровождения [14], «бесполезное хобби», он осмысляется чаще всего негативно: «*продает семена в 80 лет… кто ее вообще гнал работать?*» (м., 1987 г. р.).

Специфика современной ситуации такова, что практически все члены городских семей, вне зависимости от возраста, оказываются насильно вытянутыми на арену рыночной экономики. Длительная трудовая деятельность прародителей после наступления пенсионного возраста в текстах, как правило, дается как констатация факта. Ламентации или сетования на несправедливость социального устройства, вынуждающегобабушек работать и после достижения пенсионного возраста, нехарактерны для публичного поведения молодежи.

Весьма любопытно, что прародители, несмотря на ограниченный размер дохода, нередко стараются оказывать финансовую помощь внукам. В ряде текстов мы встречаем акцент на том, что бабушка «*денежки карманные из своей копеечной пенсии всегда давала*» (ж., 1989 г. р.), «*Моя бабушка… это мой спонсор!*» (ж., 1987 г. р.), что, впрочем, осуждается молодежным сообществом («*западло юзать бабушку как спонсора…*»). Подобный способ получения карманных денег маркируется как нелегитимный и постыдный, если только деньги не являются подарком на праздник (наиболее распространенная «формула» бабушкиного подарка – «вкусное» + деньги). Одобряемой стратегией поведения признается отказ от бабушкиных денег, не являющихся подарком на праздник: «*постоянно пытается мне совать деньги, но я всё время отказываюсь =))*».

Подчеркнем, что пенсионный возраст не осмысляется молодежью как рубеж, после которого активность пожилого человека должна прекратиться. Если бабушка не продолжает трудовую деятельность, то она должна непременно обрести определенное «дело» по душе, самореализовываться в нем: «*Моя бабушка вообще на лавке не сидит, некогда ей! Восемьдесят лет, правнуков растит, в огород ходит…*» (ж., 19?? г. р.); «*…бабушка не скучала ни дня, нашла себя в кулинарии и вязании различной шерстяной мелочи*» (м., 1987 г. р.). Отсутствие «дела» ведет к десоциализации пожилых, утрате содержательного наполнения проживаемых дней, заполнению свободного времени бессмысленными и в какой-то мере «опасными», по мнению молодежи, занятиями: длительным просмотром телевизионных программ, распространением сплетен: «*ничего не делает, сидит на диване целый день и обсуждает меня по телефону со всеми*» (ж., 1994 г. р.); «*Целыми днями она или прикапывается ко мне по любому поводу/без повода, или обсуждает мою “аморальность” по телефону*» (м., 1980 г.р.). Примечательно, что отношение молодежи к просмотру телевизионных передач пожилыми варьируется от резко отрицательного отношения к самому факту телесмотрения (телевизор в таком случае определяется как «*зомбоящик, промывающий мозги*») до более мягкого, когда негативные эмоции вызывает регулярный просмотр «неправильных» телепрограмм: *«…смотрит всякий бред типа Малахова и его тупая программа по утрам!!! Сколько не пытался ее исправить. Бесполезняк!!!!!!!*» (м., 1995 г. р.).

Наконец, важной характеристикой,влияющей на формирование положительного или отрицательного отношения к прародителям, становится внешний вид. Молодежь в данном случае не стремится распространить элементы общемолодежного стиля на собственных бабушек: напротив, подвергается оценке в первую очередь умение следить за собой, наличие вкуса при выборе одежды.

В то же время, как отмечают А. Линч и М. Д. Штраус, «разработчики модных продуктов, создавая новые модели, ориентируются на юные тела и молодежный образ жизни», в результате чего «женщины старшего возраста не находят себе и своему образу жизни места в системе моды» [15]. Тотальная переориентация массовой культуры на категорию молодости, стягивание «культуры для детей» и «культуры для взрослых» к универсальному общему знаменателю в виде «культуры для молодых» приводит к рассогласованию между стремлением выглядеть «стильно» и

устойчивыми представлениями о том, как следует одеваться человеку в том или ином возрасте (например, если «культура для молодых» предписывает обнажать разнообразные участки тела, то «культура для взрослых» – скрывать их).

Периодически возникающие попытки пожилых устранить диссонанс в пользу «языка костюма» молодежи, вероятно, подстегиваемые стереотипом общественного сознания о том, что мера состоятельности женщины заключается в ее внешней привлекательности, негативно оцениваются внуками как «стиляжничество». Пожилые люди, нарушающие символический «язык костюма», нередко высмеиваются в молодежной среде: *«…у некоторых такой вид, что хоть стой, хоть падай – размалеванные в пух и прах. Нах им краситься? Точнее наносить на себя ярко синие тени, красить тушью последние три ресницы, подводить глаза как панда и малевать свои губищи в ярко-алый? Фу. Мне противно от одного вида!*» (ж., 1989 г. р.).

Здесь можно видеть любопытный пример взаимообмена мнениями между пожилыми людьми и молодежью: и те и другие весьма чутко улавливают символическое нарушение общепринятых норм в «языке костюма». Если пожилые в большинстве случаев осуждают различные варианты «субкультурной униформы» молодых, то ситуация, когда пожилые пытаются активно следовать молодежной моде, как правило, осуждается молодыми.

Обобщая проанализированный массив материала, следует отметить ряд важных моментов. Во-первых, в современной городской семье отчетливо наблюдается устойчивая связь внуков и прародителей, т. е. связь через поколение. Продолжает сохраняться выявленная И. А. Разумовой тенденция к сакрализации старших родственников и в особенности – бабушек, образы которых оказываются наиболее глубоко, подробно и многоаспектно разработанными [16] в высказываниях молодежи вне зависимости от аксиологических характеристик текста.

При этом обмен текстами-репликами, их групповое обсуждение дают молодежи мощный психотерапевтический эффект, позволяющий публично удостовериться в наличии чувств, что особенно актуально в кризисные моменты, связанные с утратой или боязнью утраты прародителей: «*Дорогая моя бабуля, я очень тебя люблю. Я очень редко говорила тебе эти слова. Я вообще редко разговаривала с тобой. Прости меня. Я плохая внучка*» (ж., 1993 г. р.). Текст, написанный и размещенный в публичном интернет-пространстве, выступает для молодых одновременно и попыткой «постичь» пожилых, и попыткой понять или представить себя.

Также необходимо отметить, что при всем многообразии «аксиологических вилок», формирующих положительное или отрицательное отношение внуков к прародителям, образ бабушки аксиологически оказывается «заряженным» положительно, поскольку при отрицательном отношении к родственнику слово «бабушка» практически не применяется. Происходит любопытное ценностное размежевание: «свои» пожилые родственники, обладающие набором позитивно осмысляемых качеств, в речевой стихии молодежи фигурируют как «бабушки», в то время как «чужие» пожилые люди нередко вбирают значительное количество негативных характеристик, становясь «бабками»: «*Я люблю только своих двоих бабушек... А етих... с улицы... левых... ненавижу...*», «*... бабушек я люблю! А бабок – нет*» (ж., 1983 г. р.). Очевидно, что образ «бабки», в значительной степени мифологизированный и выступающий как «образ врага», нуждается в отдельном исследовании.

Ссылки на источники

1. Левада Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 45.

2. Дубин Б. Жизнь по привычке: Быть пожилым в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – 1999. – № 6. – С. 19.
3. Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001. – С. 8.
4. Коротаев А. В., Халтурина Д. А. Введение. Алкогольная катастрофа: как остановить вымирание России // Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России. – М.: ЛЕНАНД, 2008. – С. 25.
5. Кулькова Е. Я. Изучение ролевых позиций в межпоколенной семье // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 72.
6. Парахонская Г. А. Пожилой человек в семье // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С. 107.
7. Краснова О. В. Бабушки в семье // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 109–110.
8. Там же. – С. 108.
9. Там же. – С. 109.
10. Кулькова Е. Я. Указ. соч. – С. 74.
11. Почему родителей папы часто не считают за близких людей и не зовут бабушкой и дедушкой // Вконтакте. Сообщество «Наши бабушки и дедушки». – URL: http://vk.com/topic-1876245_5659873.
12. Шумская Л. И. Социально-психологические особенности личностного становления современных студентов // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – С. 122.
13. Краснова О. В. Указ. соч. – С. 113–114.
14. Бредникова О., Кутафьева З. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 2(34). – URL: http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/bred11.html.
15. Линч А., Штраусс М. Д. Изменения в моде: причины и следствия / пер. с англ. А. М. Гольдина; науч. ред. А. В. Лебсак-Клейманс. – Минск: Гревцов Паблишер, 2009. – С. 124.
16. Разумова И. А. Указ. соч. – С. 39, 232–234.

Sergey Tikhomirov,
Candidate of Cultural Studies, Associate professor, Arts History Chair, Managing Director of Postgraduate School, Higher School of Folk Arts (Institute), Saint-Petersburg
nauka_vshni@mail.ru

Image of a grandmotheras young people see it: features to a portrait

Abstract. The article studiesspecific view of young people (grandchildren) on their older relatives (grandmothers), evaluations that the young people make about older people from the viewpoint of assigned and real behavior patterns, social status, personal traits, cultural horizons and socially approved behavior.

Key words: modern urban folklore, grandmother, young people, intergeneration interaction, age axiology.

References

1. Levada, Ju. A. (2006). *Ishhem cheloveka. Sociologicheskie ocherki 2000–2005*, Novoe izdatel'stvo, Moscow, p. 45 (in Russian).
2. Dubin, B. (1999). “Zhizn' po privychke: Byt' pozhilym v Rossii 90-h godov”, *Monitoring obshhestvennogo mnenija. Jekonomicheskie i social'nye peremeny*, № 6, p. 19 (in Russian).
3. Razumova, I. A. (2001). *Potaennoe znanie sovremennoj russkoj sem'i. Byt. Fol'klor. Istorija*, In-drik, Moscow, p. 8 (in Russian).
4. Korotaev, A. V. & Halturina, D. A. (2008). “Vvedenie. Alkogol'naja katastrofa: kak ostanovit' vymiranie Rossii”, *Alkogol'naja katastrofa i vozmozhnosti gosudarstvennoj politiki v preodolenii alkogol'noj sverhsmertnosti v Rossii,* LENAND, Moscow, p. 25 (in Russian).
5. Kul'kova, E. Ja. (2007). “Izuchenie rolevyh pozicij v mezhpokolennoj sem'e”, *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i social'noj raboty*, t. 8, № 2, p. 72 (in Russian).
6. Parahonskaja, G. A. (2002). “Pozhiloj chelovek v sem'e”, *Sociologicheskie issledovanija*, № 6, p. 107 (in Russian).
7. Krasnova, O. V. (2000). “Babushki v sem'e”, *Sociologicheskie issledovanija*, № 11, pp. 109–110 (in Russian).
8. Ibid., p. 108.
9. Ibid., p. 109.
10. Kul'kova, E. Ja. (2007). Op. cit., p. 74.
11. “Pochemu roditelej papy chasto ne schitajut za blizkih ljudej i ne zovut babushkoj i dedushkoj”, *Vkontakte. Soobshhestvo “Nashi babushki i dedushki”.* Available at: http://vk.com/topic-1876245_5659873 (in Russian).

12. Shumskaja, L. I. (2005). “Social'no-psihologicheskie osobennosti lichnostnogo stanovlenija sovremennyh studentov”, *Social'nye i mental'nye tendencii sovremennogo rossijskogo obshhestva*, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, St. Petersburg, p. 122 (in Russian).
13. Krasnova, O. V. (2000). Op. cit., pp. 113–114.
14. Brednikova, O. & Kutaf'eva, Z. (2004). “Staraja veshh' kak personazh bloshinogo rynka*”, Neprikosnovennyj zapas*, № 2(34). Available at: http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/bred11.html (in Russian).
15. Linch, A.& Shtrauss, M. D. (2009). *Izmenenija v mode: prichiny i sledstvija*, per. s angl. A. M. Gol'dina; nauch. red. A. V. Lebsak-Klejmans, Grevcov Pablisher, Minsk, p. 124 (in Russian).
16. Razumova, I. A. (2001). Op. cit., pp. 39, 232–234 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	15.09.17	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	30.09.17
Принята к публикации *Accepted for publication*	30.09.17	Опубликована *Published*	19.11.17

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2017
© Тихомиров С. А., 2017